

ВСЕОХВАТНОСТЬ ВЗГЛЯДА

МОЖЕТ БЫТЬ, никогда еще советское литературоведение не создавало столько хороших и разных книг, как за последнее десятилетие. Одни из них привлекают обилием, достоверностью собранных автором фактов. Другие — научной точностью их отбора и освещения. Третьи — тонкостью анализа художественной ткани. Четвертые — смелостью, талантливостью исследовательской мысли. Но книги, самые весомые, это, наверное, те, что стремятся к обобщению, к синтезу, к своеобразной (если уместно здесь такое слово) «эпопейности».

Работы Виталия Озерова, выдвинутые на соискание Государственной премии СССР 1981 года, — из этого ряда.

Книга «Коммунист наших дней в жизни и в литературе» имеет подзаголовок: «Литературно-критические и публицистические очерки». Его не назовешь точным, ибо книга состоит не из очерков, связанных лишь общностью тем, а из глав, выстроенных продуманно, по-своему строго. Первая из них — «Коммунисты вперед!» — задает тон всему повествованию и устанавливает ту полную меру ответственности, которую коммунист берет на себя за судьбы всех и каждого, за историю, за будущее. А далее — как бы нарушая логику последовательности развития — речь идет то о литературе наших дней, то о решающей роли традиций первых советских лет, то об отражении в искусстве событий Великой Отечественной войны. Прошлые и настоящее, постоянно сталкиваемые, сопоставляемые, дополняют, обогащают друг друга и тем самым способствуют выявлению определяющего, ведущего в

жизни советского общества и советской литературы. В. Озеров приводит цитату из «Матери» Горького: «...Толпа имела форму клина, острием ее был Павел, и над его головой красное горело знамя рабочего народа...». И продолжает: «Этот образ — «ключевой» во всем творчестве Горького, в искусстве социалистического реализма». Образ этот — ключевой и для В. Озерова, для его книги, ибо воплощает ее идею: коммунист — в авангарде и одновременно неразрывно, органически связан с народом. Кроме того, горьковская метафора приложима к самому архитектурно-художественному принципу этой книги: история и теория советской литературы, так сказать, «клины», а «острием» служит «образ коммуниста в жизни и в литературе». Именно через него — его сущность, его грани, его эволюцию — преломлен автором весь путь советской литературы. Благодаря этому море материала не перехлестывает через край. Мы имеем дело с исследованием стройным, даже изящным. Главные факты тщательно отобраны. Главные мысли последовательно прочерчены и убедительно обоснованы.

Книга В. Озерова — литературоведческое сочинение, чуть ли не в равной мере занимающее как литературой, так и жизнью, принимающее во внимание их взаимовлияние, их взаимодействие. Искусство и жизнь как единство, как цельность. Это и сама по себе крупная эстетическая проблема. Однако в рецензируемой

книге она лишь часть еще более широкой, чуть ли не всеобъемлющей проблемы. Я назвал бы ее **проблемой синтеза**. Ее духом проникнуто все произведение критика. Синтез — и предмет напряженнейших его размышлений и его исследовательский инструмент. С ним он подходит к вопросу о **преемственности** в литературе и к вопросу о сущности характера современника.

«Цельность... большевистского характера, — пишет В. Озеров, — не схематическое однообразие, это **сложная цельность**». Автор книги неотступно обнажает сложность, но не противоречивую, тем более не антагонистическую, а такую, чьи слагаемые — при кажущейся несогласуемости — дополняют друг друга, образуют **единство** некоего нового высшего порядка.

«Тревоги мира и сердце писателя» — книга, казалось бы, совсем иная. Прежде всего тематически: она касается литературы зарубежных, посвящена возрастающему мировому влиянию советской литературы. И той борьбе за мир, за умы и сердца всех честных людей земли, которую широко и планомерно ведет многонациональное искусство социалистического реализма. И построена книга «Тревоги мира и сердце писателя» во многом по-другому. Ее содержание не столько шире, сколько многоаспектнее. Там — одна литература, советская, взятая на протяжении почти всей ее истории. Здесь — десятки литератур, сотни писательских ин-

дивидуальностей, представляющих все континенты земли (правда, на протяжении только послевоенных лет, по преимуществу — двух последних десятилетий). Отсюда и необычайная динамичность композиции: «общие» планы (скажем, картина одного из международных писательских форумов, суммарная характеристика той или иной африканской, азиатской, европейской литературы) то и дело сменяются планами «крупными» (портрет писателя или мастерской, анализ его книги). Однако **принцип** построения, по сути, тот же: отказавшись от последовательности хронологической, автор книги «Тревоги мира и сердце писателя» добивается последовательности внутренней, идейной. Упорядочивающий фактор, фактор в философском смысле «снимающий» антагонизмы и разломы новейшего бытия, — это **уже существующее** новое общество. Он — вектор внутреннего движения книги. Пестрый материал подчиняется смыслу и ритму этого движения и образует сложное по форме единство.

Трудно перечислить не только все всплывающие на страницах книги имена, но даже и имена тех писателей, к творчеству которых она обращается. Однако каждого из них В. Озеров знает и как участника международных встреч, и как художника. Это сообщает писательским портретам стереоскопичность, наделяет их редкостью полнотой. А совокупность портретов отражает литературный процесс — ми-

ровой, революционный, необоримый, ибо он совпадает с магистралью новейшей истории. Процесс этот по праву возглавляют советские писатели. Мировая прогрессивная литература, как показано в книге, во все большей степени ориентируется на их опыт.

Но западный художник живет в противоречивом, колеблющемся мире. Это приходится учитывать. «...Надо внимательно взвешивать все, что происходит в мировом искусстве, — пишет В. Озеров. — Энергично поддерживать реалистов. Дифференцированно рассматривать различные модификации искусства, не близкого нам, но не враждебного социализму...» Как ученый, он в книге «Тревоги мира и сердце писателя» сам подает пример дифференцированного подхода: бескомпромиссно, аргументированно разоблачает «массовую культуру», модернизм, ревизионистов, отступников всех мастей и по-ленински внимателен, бережен ко всем заблудшим талантам.

Обе книги органически дополняют друг друга. Тема первой — важнейшие внутренние завоевания советской литературы: тема второй — их закономерное распространение на весь современный мир. Перед нами, в сущности, **диалог**, части которой самостоятельны, завершены в себе и в то же время, взятые вместе, образуют нечто большее, чем составляли порознь. Здесь ставятся и решаются проблемы кардинальные для нашего литературоведения, для теории социалистического реализма. И здесь присутствует та **всеохватность** исследовательского взгляда, о которой я говорил выше.

Д. ЗАТОНСКИЙ